Мужчина подошёл и со вздохом обнял дочь за подрагивающие плечи. Подведя её к диванчики, куда вместе с ней и сел, мужчина долго говорил, что вопрос практически решён, обсуждаются лишь нюансы и прочая, прочая, прочая. И тогда Корентайн "решилась". Смахнув с таким трудом вызванные слёзы, она уверенно подняла голову и посмотрела на Антуана.

– Раз ещё обсуждаются нюансы, замените Габриэль на меня.

– Ч-что? Что ты такое говоришь?!

– Я старше, мне всё равно пора искать мужа. А денег на достойное приданое у нас нет.

– Появятся, как только…

– Нет, папа́! Габи ещё ребёнок! У неё едва пошла кровь! Прошу Вас, не отправляйте её! Найдите ей хорошего мужа через несколько лет!

– Да как ты можешь так говорить, Корентайн?! – мужчина вскочил и стал ходить по кабинету. – Как я могу отправить тебя туда?! Ты моя дочь!

Кора тоже вскочила на ноги, но осталась стоять у дивана. Голос девушки дрожал, но был уверенным и серьёзным:

– Но Габриэль тоже Ваша дочь!

Антуан замер, поджав губы. Судя по всему, он в этом вовсе не был уверен. Но, если посмотреть на двух сестёр, то скорее уж Кора была нагуляна. Габриэль была в отца светловолоса и светлоглаза.

– Нет, я не могу так. Ты моя любимица… – от этих слов и искренности, с которой мужчина смотрел на неё, девушка даже растерялась. Она в этой жизни не была жемчужиной в ладонях Антуана д'Эстре, в отличие от прошлой жизни, когда её баловали всей семьёй. Но в этой жизни отец, коего она не любила и воспринимала чужим человеком, желал ей счастья, пусть и того, которого, по его мнению, заслуживает современная женщина, в то время как тот, отец из прошлого, желал, чтобы Кора посвятила себя благу семьи.

Она не заметила, как по щекам потекли слёзы, обратив на это внимание, как только Антуан подскочил к ней и заключил в медвежьи объятия.

– Не плачь, доченька. Папа́ придумает, как всё решить для тебя улучшаем виде. Но Габриэль… ей придётся…

Корентайн мягко отстранилась от отца.

– Нет, папа́. К Генриху должна пойти я. Не только ради Габриэль, но и ради нас всех. Она маленькая, трусливая. Кто знает, что испуганный ребёнок выкинет при дворе или, того хуже, в спальне монарха? Любая её ошибка может стать смертельной для семьи.

– А я говорил, что тебе не учиться всяким астрономиям надо, а вышиванием заниматься!

– К-как это связано? – опешила девушка.

Антуан, отвернувшись, чтобы дочь не видела скупую слезу в его глазах, ответил:

– Тогда ты бы не смогла говорить такие умные речи, думала бы о том, как внуков отцу принести, а не… спасать никудышного родителя ценой своего счастья…

– Папа́… – Корентайн шагнула к отцу и обняла его со спины. – Поверь, однажды я буду счастлива. И ты будешь гордиться мной и своими внуками.

Они оба понимали, что Коре удалось убедить отца, но никто не поднимал эту тему, придя к молчаливому согласию.

Получив часть оплаты за любовницу короля, Антуан вызвал лучших портных, чтобы пошить дочери достойный гардероб. Жену, не слушая её угроз и истерик, отправил в монастырь святой Софии, а Габриэль, к удивлению всех в семье, к Мишелю, ставшему епископом, за книжки.

Корентайн мягко, но уверенно отказалась от услуг всех портных, которые не были готовы шить наряды по её эскизам, но отец не вмешивался.

– Ты женщина, и лучше понимаешь, какие наряды тебе нужны.

И через три месяца, попрощавшись с отцом и Габриэль, единственными членами семьи, пожелавшими проводить Корентайн, девушка уехала в Париж.

Генрих Третий встретил девушку без особых восторгов, но и недовольства не выказал. Он немного поговорил с Корентайн, с удивлением отметив, что девушка прекрасно говорит на итальянском, хорошо разбиралась в античной литературе, даже порадовала его цитатами из Гомера, которого Генрих хотя и не очень любил, но уважал. Корентайн также проявила интерес к трудам Макиавелли, но посетовала, что не имела возможности подробно их изучить. Король уже было послал слугу, чтобы тот принёс один из его любимых трудов, но тут сообщили, что аудиенции просят братья Гизы, Генрих и Людовик.

Его Величество тут же скис и поник, приказав слуге сопроводить юную мадемуазель д'Эстре в отведённые ей покои.

Корентайн почтительно склонилась перед королём, что порадовало мужчину, которому давно кланялись и перед которым приседали в полмеры, отдавая честь скорее короне, чем ему. Мужчина позволил себе улыбку и, сняв кольцо с пальца, вручил его Корентайн.

Та, как можно искреннее поблагодарив Генриха, удалилась, но делала это нарочито неторопливо, словно желая подольше лицезреть монарха, что льстило королю. Однако расчёт у девушки был другой. Зная о нетерпеливом нраве Генриха "меченого" де Гиза, Корентайн затягивала свой уход, чтобы столкнуться с братьями в дверях.

Правда, она не рассчитывала, что это произойдёт так буквально!

Едва девушка собиралась открыть дверь, чтобы покинуть комнату для аудиенций, как та распахнулась, и по-военному жёсткой походкой внутрь шагнул де Гиз. Столкнувшись с Корентайн, он даже не потрудился извиниться. Генрих просто оттолкнул от себя девушку, направившись к королю. Но оттолкнул настолько удачно, что позже Корентайн даже подумывала сделать ему подарок.

Не удержавшись на ногах из-за длинной юбки, обуви на каблуке и слишком гладкого пола, девушка упала на пол, прямо под ноги кардиналу Людовику. Падение не было очень болезненным, но гневные слёзы, блеснув в уголках глаз, придали девушке несчастный вид, когда она подняла глаза на возвышающегося над ней Луи. Мужчина склонился над ней и, поддержав за руки, помог подняться.

– Не вините моего брата, прекрасная мадемуазель, – с мягкой улыбкой проговорил Людовик. – Мой брат слишком печётся о благе Франции, чтобы смотреть по сторонам.

– Abeunt studia in mores, Ваше Высокопреосвященство, – улыбнулась девушка, вставая на ноги и неловко оправляя юбку, склонив голову на бок так, словно смотрит, не порвала ли она кружева, а сама специально открывая кардиналу вид на свою длинную шею и привлекательную грудь в вырезе платья.

– Вы правы, дитя моё, – радостно заулыбался Людовик. – Когда на плечах лежит груз ответственности, приходится ожесточать сердца. Простите, мне следует поспешить к ним, чтобы сгладить резкость моего брата, – кардинал элегантно склонился над ручкой девушки. – Надеюсь, мы ещё встретимся, мадемуазель…

– … д'Эстре, – с нежной улыбкой ответила она и, отступив в сторону, пропустила кардинала в комнату, а сама вышла в коридор. Однако вместо того, чтобы сразу пойти за слугой, она с тихим вздохом присела на пуфик у двери, которую закрывали слуги, массируя щиколотку, словно сильно ту ушибив.

Слуга засуетился, беспокоясь о мадемуазель, но та, попросив лишь принести немного вина, чтобы смочить горло, сказала, что сейчас, разомнёт ногу, и сможет пойти дальше. Слуга торопливо исчез, отправившись за вином, а Корентайн, не переставая тереть совершенно не болящую ногу, обратилась в слух.

Она уже знала, к чему должны привести беседы двух Генрихов, но хотела подтвердить собственные предположения. Девушка в достаточной степени изменила историю на данный момент, чтобы перестать абсолютно доверять своим знаниям прошлого. Именно поэтому её целью было понравиться Луи де Гизу. Младший брат был абсолютно предан старшему и его идеям, а значит, многое знал.

И она была права. Луи явно не собирался "сглаживать углы", давя на короля не хуже брата. Они настаивали на том, чтобы тот отказал гугенотам во всех послаблениях, что были им дарованы ранее. Еретикам не должно было быть места в католической Франции. Всё шло к подписанию Немурского договора, и Корентайн не знала, насколько к этому готовы протестанты.

Когда прибежал слуга, девушка благодарно приняла кубок и, сделав несколько глотков, оставила его на тумбочке, после, слегка прихрамывая, пошла за слугой. В спальне её встретили охающие служанки, которые тут же облепили госпожу, спрашивая, что случилось.

– Ничего страшного, просто поскользнулась и упала, – улыбнулась Корентайн, садясь с их помощью в кресло и позволяя размять себе ноги. – Ах! – нахмурив тёмные брови, воскликнула девушка, отчего служанки засветились ещё больше. – И, как назло, ромашковое мыло, что мы в прошлый раз купили, кончилось. Полет, помнишь ту лавочку с ароматным мылом и чаем по соседству? Сходи, купи ромашковое мыло, а также попроси… ах, ты не запомнишь. Дай мне бумагу, я всё напишу!

Вскоре из комнаты раздался скрип пера, звон монет, а потом служанка выскочила с кошельком и листком бумаги в руках. На ходу складывая листок, она не заметила, что слуга, оказавшийся в коридоре, краем глаза успел разглядеть записку, сделанную изящным почерком. Там действительно был список покупок, не более. Удостоверившись в этом, слуга покинул коридор.

http://erolate.com/book/3457/83429